

**В. И. Борисов**  
**СЕВЕРИН КАРЛСОН НА КАМЧАТКЕ**

*Аннотация.* Материал знакомит с судьбой двух колоритных иностранцев, связавших с Камчаткой свою жизнь, – Северина Карлсона и Отто Куорикоски.

*Ключевые слова:* Северин Карлсон, Отто Куорикоски, русско-японская война.

**V. I. Borisov**  
**SEVERIN KARLSON IN KAMCHATKA**

*Abstract.* The reference introduces the destiny of two vivid foreigners Severin Karlson and Otto Kuorikoski who connected their lives with Kamchatka.

*Key words:* Severin Karlson, Otto Kuorikoski, Russo-Japanese War.

Впервые история жителя Камчатки, шведа по национальности Северина Карлсона для широкого круга камчатских краеведов стала доступной после выхода в свет книги Стена Бергмана «По дикой Камчатке», изданной на русском языке в 2000 г. Камчатским печатным двором. В ней Стен Бергман посвятил Северину Карлсону целую главу [1, с. 144–150].

Но еще раньше к этой персоне обращались протоиерей Даниил Шерстенников и известный камчатский писатель и поэт Георгий Поротов, который написал рассказ «Боль Северина», опубликованный в книге «Камчадалы» только в 1994 г., через 9 лет после кончины автора [2, с. 41–45; 3, с. 213–219].

О Северине Карлсоне пишет и А. П. Сильницкий – один из немногих начальников Камчатки, оставивший очень хорошую память среди камчадалов, в своей работе «Поездки в северные округа Приморской области»: «Тут же[,] в Явине, живет и американец Кларксон. Он променял свою бойкую родину на безлюдную Камчатку... Кларксон больше занимается коммерцией, чем промыслами, но в остальном он такой же камчадал, как и все явинцы» [4].

В Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока хранятся документы по эпизодам русско-японской войны на Камчатке с упоминанием действий камчатских дружинников, в которых неоднократно упоминается имя С. Карлсона как активного участника боевых действий против японцев.

Большой материал о Карлсоне оставил известный финский путешественник Сакари Пялси, который встречался с Северином на Камчатке. Сакари Пялси (1882–1965) был финским путешественником-исследователем, археологом, писателем. Доктору Сакари Пялси было 34 года, когда в 1916 г. Финский союз исследований древности принял решение отправить его в исследовательскую поездку по Северо-Восточной Сибири. Его исследования на Чукотке в общей сложности продлились два с половиной года. В этом суровом краю Пялси делал фотографии и активно снимал на кинокамеру жизнь чукчей.

«Из своей исследовательской поездки на Чукотку и Камчатку Сакари Пялси привез в Национальный музей Финляндии коллекцию из 238 предметов этнографической ценности, коллекцию из 1,5 тысячи зарисовок работ по кости, небольшой гербарий, фотографии, охватывающие всю поездку, фильм и частично завершённый письменный материал, который позже был оформлен в три книги: „Дневник путешественника по северу“, „Фотографии из Арктики“ и „В море и глуши“.

В своей работе о пребывании на Камчатке он пишет: "По первоначальному плану экспедиции я намерен был перезимовать на севере, но в связи с падением курса русского рубля мои денежные ресурсы иссякли... Уже осенью, когда я был во Владивостоке, связь с родиной стала ненадежной, а зимой 1917–1918 гг. совсем прервалась. Я переехал тогда в Японию, где на весьма скудные средства прожил до апреля 1918 г. Весной мне представилась возможность поехать на Кам-

чатку в качестве закупщика пушнины от частной фирмы. В этой должности я прожил на Камчатке до мая 1919 г... Зимой я жил в селе Ключевском – на сто верст вглубь страны от устья р. Камчатки» [5, с. 112–113].

Кто же такой Северин Карлсон и какой след он оставил на Камчатской земле?

Ниже мы приводим материал, подготовленный Джоном Бентли на основании записей Сакари Пялси и других источников (в тексте сохранены стилистика, орфография и пунктуация автора):

«Северин Карлович Карлсон родился 3 мая 1868 года в Сперлингсхолм, Овраби, около Хальмстада. Его родителями были Карл Свенсон и Бенедикта Персдотер. Предки Северина имели довольно высокий социальный статус. Например, его прапрадед Пер Сегерлунд был таможенным офицером и даже имел собственную фамилию, что было редкостью в Швеции в те годы; бабушка Северина, Ловиса Торнквист, была дочерью управляющего имением в Равдала Сатери. Однако со временем потомки становились все беднее и беднее, так что Карл с Бенедиктой уже считались „статаре“, то есть батраками, работающими за еду и кров.

У Карла и Бенедикты было пятеро детей, однако, выжило только трое братьев – Северин (1868), Йохан (1870) и Нильс (1873): две девочки умерли в младенческом возрасте.

Родители Северина вели бедную жизнь, работая в поле с утра до вечера практически без оплаты, только за еду и кров. Их дети с малых лет вынуждены были трудиться, помогая родителям. Само собой, они мечтали вырваться из этих условий, и, в конце концов, все трое покинули отчий дом в поисках лучшей жизни.

В 1884 году в возрасте 16 лет Северин нанялся коком на крошечную шхуну „Клара“, водоизмещением всего 24 тонны и с экипажем в 3 человека (включая кока). Шхуна возила лес в Данию, и Северин прослужил на ней почти 4 месяца, получая по 10 крон в месяц за свой труд.

Северин стал моряком и уже никогда не возвращался в родные края. Взамен он обрел новую родину, и человеком, во многом благодаря которому это случилось, был Отто Куорикоски.

Отто Куорикоски родился в Финляндии в 1853 году в уважаемой семье потомственных архитекторов и строителей церквей. Он получил очень хорошее образование (включая степень кандидата наук) и преподавал математику в лицее в Куопио. К сожалению, он слишком много пил и не мог себя контролировать, находясь под воздействием алкоголя.

Его жизнь кардинально изменилась в 1883 году, когда будучи пьяным, он ударил генерал-губернатора Великого княжества Финляндского. После этого он вынужден был бежать из Финляндии и устроился на корабль, отправляющийся в Америку. Отто прожил там несколько лет, меняя места и занятия. Он был клерком и плотником в Сан-Франциско, воевал с пиратами и копал золото в Мексике, провел год на Аляске в самом начале золотой лихорадки. Он вернулся в Сан-Франциско с мешочком золотого песка на 18 000 долларов, но полностью опустошил его за три недели непрерывных вечеринок.

В конце концов, Куорикоски устал от Америки. Он не нашел там счастья и решил двигаться дальше. В 1888 году он устроился на китобойное судно, направлявшееся в Берингово море. На том же судне был и его давний знакомый – Северин Карлсон.

Когда после успешного промысла китов судно подошло к берегам Камчатки, Куорикоски и Карлсон купили у капитана шлюпку, провизию, необходимые припасы и направились к берегу. В их первую ночь на Камчатке Отто разбудил Северина:

– Карлсон, Вы не спите?

– Разумеется, нет, ведь Вы же меня разбудили. Что случилось?

– Дайте мне бутылку виски, они ведь еще остались?

Северин дал ему бутылку, которыми их предусмотрительно снабдил капитан, и Куорикоски сделал глоток. После этого он долго сидел молча. Затем сказал:

– Знаете Карлсон, я никогда не покину эту страну.

– Я не знаю, – ответил Северин, – но если вдруг уедете, то давайте уедем вместе.

– Нет, – сказал Куорикоски, – я точно знаю, что умру на Камчатке. Я останусь здесь.

В те времена, когда Северин обосновался на Камчатке, это был малонаселенный регион России. Население самого большого города, Петропавловска-Камчатского, составляло менее 400 человек. Общее население камчатского полуострова не превышало 8 000 человек, среди которых около 2 000 были русскими, а остальные местными племенами. Основным родом занятий для русских была охота на соболя и медведя, а также рыбалка. Коряки и эвены разводили северных оленей.

Северин следовал местному укладу жизни и вскоре стал известным охотником на медведя.

За первые два года своей жизни на Камчатке он убил 726 медведей, после чего перестал их считать. Некоторые полагали, что он убил больше медведей, чем любой другой местный охотник.

В 1904 году началась русско-японская война. И хотя основные сражения проходили вдалеке от Камчатки, небольшой японский отряд высадился там в 1904 году в надежде, что при отсутствии регулярных войск жители быстро капитулируют. Однако местные организовали отряды ополчения и успешно отразили вторжение. За активное участие в обороне Камчатки Северин Карлсон был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

Свои первые годы на Камчатке Северин провел в Явине – небольшом селе на берегу Охотского моря менее чем с 50 жителями. В 1894 году он принял православие и женился на местной девушке Матрène Бутиной. Северин постепенно отошел от охоты и стал торговцем – он покупал у охотников соболиные шкурки, продавая им ружья, патроны, спички и прочие необходимые вещи, которые он получал от американских компаний за мех. У Северина и Матрène было пятеро детей – три мальчика и две девочки. В 1911 году в возрасте 38 лет Матрène умерла. Явино перестало существовать в 1940-х годах. Сохранилось только несколько руин и могилы на старом кладбище, в том числе могила Матрène Карлсон.

В 1912 году Северин женился на молодой красавице Екатерине Спешневой. Он переехал из Явино в Мономахово (позднее переименовано в Соболево) – село примерно в 300 км к северу, откуда его новая жена была родом. Там он построил большой дом и продолжил заниматься торговым бизнесом, который тогда процветал. В то время он сблизился с другим шведом, жившим на Камчатке, – Янсоном.

Екатерина родила троих детей, двух мальчиков и девочку, и умерла в 1918 году в возрасте всего 25 лет. Северин больше никогда не женился и воспитывал своих восьмерых детей в одиночку.

Северин Карлсон был дважды женат. Первая жена – Матрена Михайловна, в девичестве Бутина. У них были дети – Константин (1897–1927), Николай (1897–1936), Александр (1900–1938), Мария (1904–1957), Ксения (1908–1993).

Со второй женой дети – Валентин (1910–1935), Дмитрий (1913–1932), Вера (1915–1986).

История жизни детей Северина Карлсона – это уже совсем другая история...

Далее Сакари Пялси пишет: „Младший брат Северина Нильс также покинул Швецию и уехал в Шанхай, где работал таможенным инспектором. Он был женат на японке по фамилии Мураками; у них было трое детей.

Северин хотел, чтобы его дочери получили хорошее образование, включая знание иностранных языков, что было невозможно на Камчатке. Поэтому около 1916 года он привез Марию и Ксению в Шанхай, где они жили с семьей Нильса и посещали католическую школу вместе с его детьми. Так продолжалось два года, до смерти Екатерины, после чего Северин забрал Марию на Камчатку, чтобы она помогала ему заботиться о младших детях. Ксения же продолжила обучение в Шанхае и потом в Нагасаки, прежде чем вернулась домой. Результат – она свободно говорила по-английски, что было редкостью для Камчатки в то время.

С установлением на Камчатке советской власти в 1920-х гг. торговый бизнес Северина начал приходить в упадок. В 1923 году он переехал в Озерновский (поселок неподалеку от Явино), где стал заниматься рыбным промыслом. Так продолжалось до тех пор, пока он не постарел и ослаб.

Последние годы своей жизни он провел прикованный к постели. Северин Карлсон умер в октябре 1932 года от рака горла и был похоронен на берегу Охотского моря неподалеку от Озерновского» [6].

Северин Карлсон сыграл важную роль в обороне Камчатки от японского десанта во время русско-японской войны в 1904 г. Свой небольшой очерк о Северине Карлсоне опубликовал протоиерей Даниил Шерстенников, который мы приводим ниже:

«Карльсон.

Попечитель Воровской школы г. Карльсон – швед, принявший православие на Камчатке и оженившийся на камчадалке. В молодых годах он приехал с родины в Америку, где провел несколько лет в случайных поденных работах, затем ходил в плавания на купеческих кораблях в качестве матроса. На Камчатке он поселился 22 года назад и жил в селении Явино, около мыса Лопатка, занимаясь рыбной ловлей, охотой и торговлей. В Воровском селении он приехал 6-й год, здесь приобрел очень хороший дом и открыл торговлю мануфактурно-бакалейными товарами, мукой и съестными припасами. Теперь, я полагаю, все местные камчадалы в его руках, так как он дает товары под промысел их пушным зверем. Цены на товары у Карльсона высокие, например, ныне пользуясь недостатком муки на всем побережье, он цену на кулек муки поднял до 6½ рублей. А кулек муки – 1 рубль 15 к.

Я бы назвал его ростовщиком, если бы его приемы не отличались от обыкновенных ростовческих некоторою гуманностью и осмотрительностью в действиях.

Во всяком случае, он – типичный камчатский торговец, отпускающий товар в долг и из-за этого рискующий своим капиталом. За риск он берет, разумеется, приличный процент в виде пушнины, продаваемой ему его должниками. За часть покупаемых соболиных шкурок он платит товарами, за другую часть – наличными деньгами. А далее – опять риск. Хорошо, если ему удастся сбыть свои меха в фирму Чурина или другого выгодно. Но крупные фирмы тоже прежде всего заботятся о собственных барышах, поэтому дают своим комиссионерам сравнительно небольшой доход. Существующие цены, установленные контрактами с иностранными фирмами, они тщательно скрывают, оставляя своих скупщиков и приказчиков в неведении относительно действительных цен на пушного зверя на иностранном рынке. В таких случаях мелкие скупщики мехов выгоды свои приумножат путем высокой расценки отпускаемых камчадалам товаров...

В результате камчадал проживает, а торговцы понемногу наживают капиталы. Г. Карльсон передавал мне, что он пытался было сдавать свои меховые товары непосредственно за границу, но никакого толку из этой меры не вышло: расценка меха за границей ниже, чем на Камчатке! Это странное явление можно объяснить тем, что иностранные магазины обеспечивают себя контрактами с крупными русскими фирмами, с которыми и имеют дело, уклоняясь от частичной и случайной скупки меховых товаров на стороне.

Г. Карльсон, как человек образованный (прошел в Швейцарии курс реального училища (точнее в Швеции. – В. Б.)), не чужд стремлений сделать что ни будь полезное в интересах народного образования. Живя в Явине, он склонял население открыть народную школу, а когда камчадалы не особенно охотно отозвались на его предложение, то он построил даже на собственный счет небольшое школьное здание в соседнем Гольгинском селении.

Живя в Воровском, он состоял председателем церковно-приходского попечительства, а теперь – попечителем местной церковно-приходской школы, и как видели не без успеха управляет хозяйственной частью школы.

В войну России с Японией г. Карльсон явился русским патриотом, согласно убеждений, что нужно охранять честь флага того государства, под защитою которого живешь и благоденствуешь. Свои патриотические чувства он рельефно выразил в столкновении камчадалов и казачьей местной команды с японцами на западном берегу Камчатского полуострова. Вероятно, событие это нигде не записано и, конечно, забыто всеми, поэтому я вспоминаю его, ибо оно интересно и приведет меня к вопросу об отношении местных камчатских жителей к японцам и последних к первым.

В 1904-5 годах, во время войны России с Японией, камчатская администрация распорядилась составить береговые команды – дружины из местных камчадалов с частью казаков для отражения от берегов неприятелей, в случае высадки их на побережье полуострова. А жителям было велено в случае появления неприятеля, убежать в леса и горы. Одна из таких дружин в количестве 88 человек под начальством инструктора Сотникова засела в Явине – маленьком селении на западном берегу Камчатки, был тут и Карльсон, завербованный в число дружинников.

Вскоре на горизонте Охотского моря показались три японские шхуны, которые затем бросили якорь около Явины в удобной бухточке. Экипажем японских солдат командовал капитан г... решивший высадиться на берег, объявить Камчатку собственностью Микадо и местных жителей привлечь на верность Японии.

Знали или нет японцы о том, что в Явине засела местная дружина, решившая дать отпор вторжению их в чужие владения, только все-таки они приняли меры предосторожности, высадившись на скалистом мысе, окруженном с трех сторон морем; на перешейке поставили полевое орудие и укрепили его ложементами на случай осады. На вершине занятого клочка земли взвилось японское знамя, командир объявил страну завоеванной. Затем неприятели проникли в селение, нашли его пустым... Попавшийся крупный рогатый скот они порезали для своего лагеря.

В это время русская дружина держала совет, что делать. Враги не знали ее сил и расположения, за то и она не знала сил неприятеля. Сотский склонился к мысли штурмовать японскую позицию. Карльсон, напротив, держался убеждения, что штурм опасен потому, что силы штурмующей колонны весьма незначительны, при 17-ти русских казаках, остальные были камчадалы, не отличавшиеся ни храбростью, ни стойкостью, способные обратиться в бегство при первом отпоре со стороны врагов, во 2-х потому, что расположение неприятеля оставалось неизвестным. Не лучше ли пуститься на хитрость? Каким-нибудь образом узнать точнее про силы японцев и, если будет можно, ослабить их. Для этой цели избран был один камчадал, облачен в рубище; Карльсон научил его ока-

заться его работником, присланным из Петропавловска к японцам с письмом на английском языке. В письме Карльсон обращался с просьбой о помощи его семейству, которое оставлено в окрестностях Явина и в настоящее время находится в крайней нищете и сильно болеет цингой. Проситель убеждал японского командира дать хлеба и лекарств; в благодарность за помощь обещал сообщить важные сведения. Вместе с тем посланному приказано было внимательно осмотреть японский лагерь, сосчитать людей, высмотреть род вооружения и прочее, что заметит. Сказано – сделано. Шпион проник в японский лагерь и передал письмо командиру. Командир решил помочь семейству Карльсон присылкою куляка муки и некоторого количества медикаментов, затем дал камчадалу пространно написанное воззвание ко всем береговым жителям. В послании он убеждал их присягнуть японскому государю, обещая различные льготы...

Посыльный благополучно возвратился домой и сообщил, что хотя японцы не допустили его осмотреть расположения лагеря, но он успел заметить, что всех японцев не менее ста человек, что они в солдатской форме, вооружены ружьями и саблями. Тогда Карльсон посылает его с новой просьбой от имени семейства, которое просит послать врача для осмотра больных. Слушая его речь, доктор японец выразил своему капитану опасение попасть в ловушку, но капитан приказал доктору собираться в путь и вместе с ним пошел сам. Конечно, заведенные в засаду, оба японца были арестованы. Увидев Карльсона, командир сказал: „Худо вы отплатили мне за доверие”.

– Что делать! Ответил тот. Приходится защищать достоинство флага, под защитой которого живешь, и если нельзя взять на войне силой, то приходится прибегать к хитрости.

– Разумеется, я согласен с вами, ответил командир, – но знайте, что я буду отомщен по японскому обычаю: если ты угостишь соседа, то сосед должен угостить тебя вдвое.

Затем оба японца были отправлены в плен в Петропавловск, а из Петропавловска в селение Коряки и Мильково, где они прожили полтора года, до конца войны.

Думая, что японцы станут искать пропавшего командира, русские устроили засаду. Действительно, отряд в 20 человек показался впереди и вскоре был окружен, а когда они решили защищаться, то камчадалы обратились в бегство, но залпом оставшихся русских они все были перебиты. Таким образом, японцы оказались в осадном положении, лишились командира, доктора и значительного количества товарищей.

Затем, русская команда в ночное время штурмовала лагерь, но была отбита. Вскоре японцы сели на свои шхуны и поспешили восвояси. Тем и окончилась их попытка завоевать западное побережье Камчатки...» [2, с. 41–45].

Северин Карлсон проживал в Явино с 1889 г., вел торговлю в основном по западному берегу Камчатки – от с. Явино до с. Воровского. Собирал с жителей заявки на необходимые продукты и товары. Затем за пушнину поставлял заказ каждой семье, которая подала заявку.

В 1911 г. после длительной болезни его жена Матрена умерла, а 8 апреля 1912 г. он женился второй раз на 19-летней Екатерине Федоровне Спешневой, уроженке с. Воровского [7, л. 65].

В с. Воровском он строит большой восьмикомнатный дом, здесь же имеет лавку. После кончины второй жены и изменения политической ситуации на Камчатке он переезжает опять на юг Камчатки в растущее селение Запорожье. Здесь продолжает заниматься рыбным промыслом. Последние годы жизни сильно болел, жил в семье своей дочери Ксении. Скончался в октябре 1932 г. Точная дата пока не выявлена.

1. *Бергман С.* По дикой Камчатке. Петропавловск-Камчатский : Камч. печ. двор, 2000. 166 с.
2. *Шерстенников Д.* Камчатский сборник. Владивосток, 1914.
3. *Поротов Г.* Камчадалы. Петропавловск-Камчатский : РИО КОТ, 1994. 246 с.
4. *Сильницкий А. П.* Поездки в северные округа Приморской области. Хабаровск, 1902. 186 с.
5. *Вилкуна К.* Экспедиция Сакари Пяльси в Северо-Восточную Сибирь (1917–1919 гг.). URL: <https://odynokiy.livejournal.com/3015515.html>
6. По материалам Дж. Бентли.
7. ГАКК. Ф. Р. 220. Оп. 1. Д. 54.